

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА «ЖИЗНЕННЫХ МИРОВ», «ПЕРВИЧНЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ», «ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ» И «РАДИУСОВ ДОВЕРИЯ»:
ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ²¹**

**ANTHROPOLOGICAL PARADIGM OF "LIFE-WORLDS", "THE PRIMARY TERRITORIAL COMMUNITIES", "SETTLEMENT IDENTITY" AND "RADIUS OF TRUST":
THE PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECTS**

В.А. Давыденко, Г.Ф. Ромашкина
Vladimir A. Davydenko, Gulnara F. Romashkina

Тюменский государственный университет, Финансово-экономический институт
State educational institution of higher professional education Tyumen state University

В статье проведена попытка представить антропологическую парадигму жизненных миров в сопряжении с такими понятиями, как первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия, рассмотренные в различных философских и социологических аспектах.

In this article the author attempts to present anthropological paradigm of life worlds in conjunction with such concepts as primary territorial community, location identity, radii of trust are considered in various philosophical and sociological aspects.

Ключевые слова: антропологическая парадигма жизненных миров, первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия.

Keywords: Anthropological paradigm of life worlds, primary territorial community, location identity, radii of trust.

Введение. Термин *жизненный мир (Lebenswelt)* переместился из специфического феноменологического поля философской науки в семантическое пространство как других наук, так и социальных практик и, в частности, стал предметным основанием одного из ключевых тематических направлений конференции: «Социокультурное исследование и проектирование этапов модернизации российских регионов и муниципалитетов». В своём английском варианте термин *жизненный мир (life-world)* употребляется в нефилософских науках, политике, mass media; социологический инвариант этого концепта используется в России [1], новые версии операционализации и верификации убедительно прозвучали в научных работах недавнего времени, выполненные Н.И. Лапиным [2] и Ж.Т. Тошенко [3]. *Цель*, которую авторы преследует в статье, состоит в том, чтобы обнаружить сопряжённые теоретико-методологические конструкты философской парадигмы «жизненные миры» с социологическими концепциями и подходами: первичные территориальные общности, поселенческие идентичности, радиусы доверия, интенции и мотивации действия – с тем, чтобы на базе выявленных семантических и смысловых единиц попытаться объединить на общей научной платформе. *Задачи*, решение которых приводит к поставленной цели – это выявление и представление новой социологической концепции – сопряжённой парадигмы первичных территориальных общностей и акторов жизненных миров, соотносимых между собой как таких, которые повсеместно сохраняют и отстаивают свои базовые функции по символическому, институциональному и социально-экономическому воспроизводству на уровне поселения, или муниципалитета (регион в целом, страна – другие «территории»).

²¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект №16-03-00500.

Жизненный мир понимается нами, в первом приближении, как сопоставление опыта и действий человека и его референтной группы в их повседневной жизнедеятельности в виде смыслового контента как содержания информационного ресурса, определяющего специфику актуальных форм жизнедеятельности акторов и их эвристической активности. Высокие значения приобретают такие смысловые образования, которые продуцируются акторами разных уровней в рамках специализированной социокультурной деятельности.

На базе представленного концептуального подхода обосновывается необходимость критического осмысления жизненных обстоятельств, которые становятся предпосылками обретения как достоверного знания, так и понимания структур и компонентов жизненного мира. Ключевые моменты, теории и парадигмы «жизненного мира» разрабатывались в феноменологической философии и феноменологической социологии (П. Бергер [5], Э. Гуссерль [4], Т. Лукман [5], Ю. Хабермас [6-14], П. Филмер [15], А. Шюц [16, 17] и в социологии (Н.И. Лапин [2], Ж.Т. Тощенко [1, 3], Г.Ф. Ромашкина [18], В.А. Давыденко [18]). В частности, как показали наши эмпирические исследования, уровни идентичности и интенции (мотивации) жителей, сопряжённые со своим «поселением» - в 4-5 раз выше, чем их идентичности / интенции с их «регионом» и «страной в целом» [18].

Обзор литературы. Антропологическая проблематика *жизненного мира* составляет одно из важнейших направлений современных философских, культурологических и социологических исследований. В научный оборот понятие *жизненный мир*, как известно, ввёл Э. Гуссерль [4], как мир, на который направлено интенциональное сознание. Хотя это понятие обладает кажущейся простотой, вызывающей комбинацией употребительных слов: «жизнь» [*das Leben*] и «мир» [*die Welt*], тем не менее, оно имеет достаточно глубокие смыслы, структуры и значения. Если «жизненный мир» – это intersубъективный мир, и именно в понятии intersубъективности кристаллизуются возможности более тесного союза между феноменологией и социологией; то «социальный мир» – это «другой мир», конституированный смыслом, который имеет значение и структуру релевантностей. Люди определенным образом расчлениают и переосмысливают «социальный мир» при помощи набора обыденных конструкций, детерминирующих их поведение, определяющих цели их деятельности, включающие те доступные средства, которые помогают им определиться – с тем, чтобы жить и действовать в согласии с этим миром. Intersубъективность – ключевое понятие феноменологического объяснения социального мира. Этим термином обозначаются социальные процессы, служащие конституированию повседневного мира как мира значений о самом этом мире, существующих в форме взаимосогласованных типических представлений индивидов. Наиболее глубоко это понятие анализируется в фундаментальных работах и статьях М.В. Мотрошиловой [19-22], ведущим специалистом по философии Э. Гуссерля. А. Шюц, как последователь Э. Гуссерля, стал говорить уже не столько о *жизненном мире* «*Lebenswelt*», сколько о *повседневном жизненном мире* «*alltägliche Lebenswelt*», об *обыденной жизни* «*Alltag*» и о *повседневности* «*Alltäglichkeit*» [16, 17]: феноменолог должен описать не просто и не только свое собственное сознание, он должен описать также и жизненный мир, когда «адекватность» объяснения достигается показом того, что социологическая модель согласуется с тем, как мыслят действующие лица. Для своего феноменологического подтверждения те или иные социологические данные и их интерпретации должны быть вновь возвращены в жизненный мир. Уточняя эту позицию, П. Филмер [15] отмечал, что социологи редко отчетливо формулируют или эксплицируют процедурные правила, которыми они руководствуются при выработке или практическом использовании понятий, и отношения между социологическими понятиями и жизненным миром приобретают некий проблематичный характер. Феноменологический подход к прояснению своих понятий резко отличается от подходов, свойственных другим направлениям, – подчеркиванием необходимости установления связи между базовыми понятиями и жизненным миром. Прояснение понятий может увести исследователя далеко от жизненного мира, тогда как цель феноменологии – обнаружить в жизненном мире их эмпирические основания. «Феноменологическое прояснение социологических понятий – это поистине бесконечная задача, ибо постоянно возникают новые понятия (например, те,

что вводятся самой феноменологией), а существующие претерпевают постоянные, часто незаметные изменения значения. Задача, таким образом, состоит не столько в экспликации и выработке дефиниций ... сколько в описании истории значений данного понятия» [15: 231]. В философских трудах М. Хайдеггер, как известно, переосмыслил тематику жизненного мира применительно к исследованию человеческого бытия в новом контексте экзистенциализма [23]: важное место отводится изучению фундаментальных структур человеческого существования. «Повседневность», согласно М. Хайдеггеру, - это способ существования «Здесь-Бытия» («Dasein»), его важнейший модус, связанный с выработкой естественного понятия о мире, потребность в котором уже давно беспокоит философию [23: 194-210], и являясь непосредственной очевидностью человеческой жизни, «повседневность» представляет собой существование еще неосмысленное, а потому «не подлинное». В нем отсутствует элемент свободного самоопределения, конституирования экзистенции. «Повседневность» по М. Хайдеггеру – это среда обитания «усредненного человека», «не умеющего осознать» своей онтологической ответственности и вследствие этого ещё не состоявшегося в бытии («*man*»). Быть, существовать свободно и осмысленно обычному человеку мешает погруженность в череду мелких дел, а потому главным экзистенциальным определением жизненного мира («Dasein») оказывается «забота» [23: 371-376 и др.]. Понятия «жизненный мир» и «повседневность» в работах П. Бергера, Т. Лукмана, А. Шютца [5, 16-17] рассмотрены в том широком смысле, когда они выступают основой дифференциации способов отношения к миру. Предельно глубоко погружаясь в их работы, можно обнаружить имплицитную логику в развитии концепта жизненный мир от исходного философско-методологического анализа (Э. Гуссерль) к экзистенциальным (М. Хайдеггер) и социально-феноменологическим (А. Шютц) смыслам и в дальнейшем – к использованию ими эвристического потенциала в целях исследования оригинальных социально-философских стилистик жизненного мира и жизненной среды, пределов самореализации индивида и его референтных групп. Жизненные мир общества, по сути дела, создается благодаря деятельности людей, имеющих субъективные значения [Э. Дюркгейм], подобно тому, как по М. Веберу общество представляет собой объективную фактичность. Двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает характер “реальности *sui generis*”, используя другой ключевой термин Э. Дюркгейма [5: 36]. Установки на постижение реальности жизненного мира, повседневного знания и социального конструирования реальности реализованы, как известно, в теории и практике «понимающей социологии» М. Вебера, для которого и в отношении социологии, и в отношении истории был только единый объект познания – это совокупность субъективных значений действия. Для понимания структур жизненного мира и его повседневности имеет значение веберовская концепция социального действия: как форма деятельности, которая, во-первых, содержит в себе внутреннее субъективное смысловое единство; во-вторых, по этому смыслу соотносится с действиями других людей, и, в-третьих, ориентируется на эти действия. С «социальным действием» имеем дело тогда (и только тогда), когда оно внутренне мотивировано, его субъект ожидает от других людей определенной ответной реакции, что выражается не только в наблюдаемом поведении, но и в мысленной деятельности или даже в отказе от всякого действия [24: 602-603, 625-626]. Веберовский подход к жизненному миру в экономической социологии означает, что её интересует не только наблюдаемое поведение хозяйственного агента, но и субъективная позиция: мотивы, установки, способы определения ситуации. Веберовская традиция жизненного мира ориентирует на то, что он имплицитно обладает смысловыми структурами, схемами регламентации, системами оценок, вкусов, ограничений и предпочтений, позволяющими увидеть структуру жизненного мира как организованно социально-экономическую реальность, доступную теоретическому описанию.

Достаточно сложную конструкцию из «трёх миров» предложил К. Поппер [25-29], описывая свою теорию действия: «во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, диспозиций к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» [28:

439]. К. Поппер таким образом полемизировал с принципом эмпиризма, согласно которому субъект непосредственно противостоит миру, получает из него благодаря чувственным восприятиям свои впечатления и воздействует посредством своих действий на состояния в нём. Анализируя данный философский подход К. Поппера с своих социологических позиций, Ю. Хабермас объяснил, почему Поппер понимал своё учение об «объективном духе» как расширение этого принципа эмпиризма, и почему ввёл понятие объективного, равно как и субъективного духа в качестве «миров», то есть особых совокупностей сущностей. По мнению Ю. Хабермаса, К. Поппер придерживался примата мира над духом и понимал второй (мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, диспозиций к действию) и третий (мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства) миры по аналогии с первым (мир физических объектов или физических состояний) – онтологически. Исходя из общего концепта мира о том, что мир является совокупностью того, что происходит; и то, что происходит, может быть зафиксировано в форме истинных высказываний, Поппер специфицировал понятия первого, второго и третьего миров через способы существования положений дел. В зависимости от того, к какому из трех миров они принадлежат, сущности обладают специфическим способом бытия: речь идет о физических объектах и событиях; о ментальных состояниях и эпизодах внутренней жизни; о семантических содержаниях символических продуктов [9: 4-5]. Эта довольно-таки сложная конструкция мира; вместе с тем, по мнению Ю. Хабермаса, она «проливает свет на интересную взаимосвязь между социологическим понятием действия и предполагаемыми им отношениями действующего субъекта к миру» [9: 6]. Подчеркнём, что в своих работах Ю. Хабермас [6-14] концепцию жизненного мира развернул в наиболее интересных контекстах для нашей тематики.

«Жизненный мир» в концепции Ю. Хабермаса сопряжён с «системами действия» (просто «системами») – первый теоретический комплекс его двойственной конструкции общества, связывающая жизненные миры и системы; теории коммуникативного действия и коммуникативной рациональности – второй его теоретический комплекс конструкции общества; «теории модерна» – третий его теоретический комплекс конструкции общества, объясняющий всё более становящиеся очевидными социальные патологии современности (для России – это особенно актуально) посредством указания на то, что коммуникативно структурированные «жизненные миры» начинают подчиняться императивам, ставшим самостоятельными, формально организованных систем действия. В том пункте, где Ю. Хабермас разработал вопрос о «патологическом воздействии» системы действий (просто «системы», связанной и с капитализмом, и с социализмом, характерной для всей цивилизации системы государства) на любые структуры и формы человеческого действия, включая жизненный мир, акцентирована на тематике «колонизации жизненного мира».

Эволюция жизненного мира приводит в парадигме Ю. Хабермаса к выделению трёх относительно независимых миров отнесения («миры отнесения» – отличны от жизненных миров) в традиции К. Поппера: объективный мир (мир, состоящий из фактов); социальный мир (социальная структура, формирующаяся вокруг коммуникации и языка, как средства человеческого общения, как источников «практического интереса», управляющего накоплением «практического знания»), и «субъективный мир» (мир культурных семантических содержаний и символических объектов, которые получают ту или иную осмысленность и которые одновременно выделяются как более высокого порядка объекты (наблюдаемых) физических и (переживаемых) ментальных событий). В парадигме Ю. Хабермаса имеют значения противоречия между системой (экономикой и государством) и жизненным миром (частной и общественной сферами), вокруг которых кристаллизуются социальные роли, например, наёмного рабочего и потребителя, клиента бюрократической общественной системы и гражданина государства [14: 130]. Уровень рационализации жизненного мира отнюдь не гарантирует отсутствие конфликтов в ходе процессов воспроизводства. По мере дифференциации структур жизненного мира в парадигме Ю. Хабермаса спектр форм проявления «общественных патологий» становится все более разнообразным – в зависимости от того, какие именно

структурные компоненты, с какой именно стороны и в какой степени недостаточно обеспечиваются: это или потеря смысла, аномальное состояние или что-то ещё. Хозяйственной и государственной сферам присущи монетаризация и бюрократизация, когда они проникают в символическое воспроизводство жизненного мира, а не только в его материальное воспроизводство: тогда неизбежно возникают «патологические побочные следствия» [12: 359]. Реконструируя в сжатом виде многообразное исследование жизненного мира у Ю. Хабермаса, мы получаем следующие ключевые моменты современной эпохи в его терминах: рационализация жизненного мира через переориентацию на деньги и власть; вычленение хозяйства и государства как систем действия, для которых жизненный мир становится внешним миром; экономический рост, с одной стороны, и автономизация управления в бюрократических обществах, с другой – углубляют «колонизацию жизненного мира»; при возникновении неравновесий и кризисов в системах действия появляются патологии, процессы овеществления коммуникативных действий и ложной демонстрации коммуникативных отношений – именно то, что воочию наблюдаем в сегодняшней России. Важно для развития нашей темы субстантивистское направление К. Поляни [30, 31], который ввёл и обосновал тезис об укорененности (встроенности) [*embeddedness*] экономического действия в социальных структурах, при этом укорененность напрямую связывалась с жизнедеятельностью местных сообществ; что имеет ключевое значение для обоснования нашей гипотезы. Семантика использования денег, разработанная К. Поляни, имеет значение: этот концепт углубляет и дополняет фундаментальные положения жизненного мира, разработанные Ю. Хабермасом.

Базовая гипотеза исследования. Специфика образования жизненных миров на уровне поселения (муниципалитета), состоит в том, что они возникают и функционируют на почве различных взаимодействий и коммуникаций, которые удовлетворяют антропологическую потребность во взаимной деятельности и взаимопонимании, при этом реализуется механизм региональной укоренённости [*regional embeddedness*] всех акторов деятельности.

Методы исследования. Авторами проведён философско-социологический анализ антропологической парадигмы сопряжённых понятий жизненных миров, первичных территориальных общностей, поселенческих идентичностей и радиусов доверия. Авторы статьи участвовали в отработке инструментария «Социокультурных портретов», на базе которого проводились репрезентативные социологические опросы, начиная с 2006 г. [18].

Результаты исследования. Ключевая особенность «жизненных миров», по мнению авторов, состоит в том, что они существуют в первичных (поселенческих) общностях, с которыми взаимодействуют его жители, что операционализируются на уровне территориальной идентичности [*territorial identity*] и верифицируются в категориально-понятийной паре: «идентичность» и «интенция» (мотивация) в их пространственных проявлениях. Имеет значение и то, что эти первичные территориальные общности и жизненные миры повсеместно сохраняются и совместно отстаивают свои базовые функции, иначе невозможно ни их взаимопонимание, ни их совместная деятельность. Гипотеза укорененности жизненных миров связывается с «субстантивистской» школой [*substantivist school*] в антропологии Карла Поляни [30, 31]; есть у неё очевидная связь с веберианской и марксистской традициями. Предполагается наличие социокультурных связей, обнаруживаемых с помощью корреляций признаков региональной укоренённости [*regional embeddedness*], территориальной идентичности [*territorial identity*] и доверия, операционализируемых как *радиусы доверия* [*trust radii*] физических лиц [32], которые входят как модели смысловых структур в жизненные миры. На «своей территории» радиусы доверия, как правило, увеличиваются, выходя далеко за рамки своей семьи, и происходит это в условиях, когда помогает обретению людьми надёжных ориентиров история их интеракций, очерчивающих контуры их поведения по отношению друг к другу. Одновременно подтверждается высокий социальный уровень идентичности – внутренней солидарности человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. Укрепление идентичности и расширение радиусов доверия физических лиц определяют их принадлежность к целостной региональной структуре, осознание своей сопричастности и определенного положения в ней. Идентичность и радиусы доверия, встроенные в системы

жизненных миров, помогают их обладателям найти свою социальную нишу, реализовать свою потребность в самоактуализации, найти свое место в региональном социуме. Функционирующее доверие как один из компонентов жизненного мира может рассматриваться в качестве важного ресурса практической деятельности в регионе, и вместе с региональной идентичностью можно охарактеризовать в известном смысле как специфический возобновляемый ресурс социальной региональной практики. На основе региональной идентичности развиваются наиболее позитивные символические черты местного сообщества, обладающего ярко выраженными маркерами, в которых лидерами региона (местными элитами) воплощаются социальный и символический виды капиталов, жёстко позиционирующих локальные интересы и региональные практики. Региональное пространство становится тем местом, которое наполняется символическим содержанием и символическим капиталом, воплощающихся в системах эффективных символов для дальнейшего развития данной территории. Рассматриваемые категории жизненного мира работают как эмерджентные структуры, и регион становится в тех или иных границах *самовоспроизводящейся социальной общностью* [Н.И. Лапин; 33]. В теоретическое ядро предлагаемой концептуальной схемы социального воспроизводства региона и жизненных миров его жителей входит совокупность основных направлений, как региональное пространство и территориальная общность; территориальные интересы и территориальное поведение, региональная и поселенческие идентичности, радиусы доверия. Для практического продвижения концептуальной идеи проекта необходимо, на наш взгляд, выйти за рамки "упрощенных" (экономических, политических, социальных, институциональных, психологических и т. д.) моделей, ограничив поле их применения решением наиболее актуальных задач регионального регулирования жизненных миров представителей первичных территориальных общностей. Региональная и поселенческая детерминанты придают своеобразие и конкретность социально-экономическим и социокультурным моделям их поведения. Необходимость новых подходов к анализу социального поведения «первичных территориальных общностей» и «жизненных миров» их представителей диктуется сегодня не только исследовательскими поисками, но и потребностями социальной практики.

Заключение. Представленный теоретический обзор свидетельствует о достаточной концептуальной широте и теоретической глубине современных трактовок проблематики жизненного мира. Хотя на протяжении долгого времени преимущественно внимание уделялось его философским и феноменологическим аспектам, и антропологический и функционально-структурные контексты современных реалий жизненного мира оставались как бы «в тени» исследовательских интересов. *Теоретическое и практическое обоснование* реализации проекта состоит в актуальности разработки антропологического парадигмы жизненных миров и первичных территориальных общностей на уровне различных регионов России, и в современных условиях имеет большое значение как для расширения возможностей решения поставленных задач в проекте «Социокультурные портреты регионов», так и в целях воздействия на стратегические механизмы целенаправленного поведения человека, оптимизации общественного развития в целом, адекватного социального управления жизненно важными сферами (макро-, микро- и мезо- уровни), заключающихся в связи самоосуществления человека с окружающей социальной средой и его регионального пространства. Жизненный мир человека является целостной совокупностью жизненно-практических и ценностных ориентаций, установок и моделей поведения (паттернов), связывающих символику социальных отношений и природы в единый комплекс значений, смыслов и содержаний, посредством которых обеспечивается воспроизводство его бытия. Тогда жизненный мир выполняет задачу структурирования обыденного опыта и репрезентации универсальной символики культуры и действия на уровне повседневности, создавая смысловые и релевантные сопряжения, необходимые для практической реализации человеческих нужд, вкусов, запросов, потребностей.

Итак, жизненный мир является важнейшим способом человеческого существования, зримым и очевидным механизмом осуществления человека в единстве его ментальных, со-

циальных, физических компонентов. Изучая региональные сообщества, антропологи, как правило, критически оценивают местную систему смыслов и предполагают, что причинно-следственные связи и социальные категории, воплощенные в социальных обычаях, как социокультурные явления заслуживают отдельного всё более пристального внимания, на что ориентирована эта статья. Возможны и иные ракурсы анализа проблемного поля жизненных миров, иные способы систематизации. Изложенное выше представляет один из подходов к этой тематике, который, при его неизбежной своей ограниченности, намечает, тем не менее, актуальные теоретические направления исследования картины мира жителей региона и их жизненных миров.

Список литературы

1. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / Под ред. Тощенко Ж.Т. – ЦСП и М., 2016. – 367 с.
2. Лапин Н.И. Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7 (315). С. 28–39.
3. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования, 2016. №1. С. 5–17.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 403 с.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с.
6. Хабермас Ю. (2010) Рационализация права и диагноз современности // Социологическое обозрение. Т. 10. № 3. 2010. С. 131–155.
7. Хабермас Ю. (2009) Модернизация как общественная рационализация: роль протестантской этики // Социологическое обозрение. т. 9. № 3. 2009. С. 3–25.
8. Хабермас Ю. (2009) Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009. С. 37–61.
9. Хабермас Ю. (2008) Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. Том 7. № 1. 2008. С. 3–24.
11. Хабермас Ю. (2008) Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. Том 7. № 3. 2008. С. 3–32
12. Хабермас Ю. (2003) Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.М. Беляева, К. В. Костина, Е.Л. Петренко, И.В. Розанова, Г.М. Северской – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с.
13. Хабермас Ю. (2000) Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева. СПб.: Наука, 2000. – 379 с.
14. Хабермас Ю. (1993) Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123–136.
15. Филмер П. Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978 – 392 с.
16. Шютц А. (2004) Чужак: социально-психологический очерк // Шютц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
17. Шютц А. (2003) Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с.
18. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: колл. монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та. 2015. – 358 с.
19. Мотрошилова Н.В. (2008) «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник / Коллектив авторов. Ин-т философии РАН. – М. Наука. – 2007. – 2008. – 530 с.

20. Мотрошилова Н.В. (2007a) Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 7. С. 102–112.
21. Мотрошилова Н.В. (2007b) Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 134–144.
22. Мотрошилова Н.В. (2003) Идеи I Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология–Герменевтика, 2003. – 723 с.
23. Хайдеггер М. (1997) Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
24. Вебер М. Избранные произведения: Перевод с немецкого / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. Москва: Прогресс, 1990 – 808 с.
25. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики (2000) / Составление Д. Г. Лахути, В.Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с.
26. Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Том 1: Чары Платона. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 448 с.
27. Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Том 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ., под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 491 с.
28. Поппер К. (1983) Эпистемология без познающего субъекта / Пер. с англ. Л. В. Блиникова // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
29. Поппер К. (1983) Логика и рост научного знания (избранные работы). М.: Прогресс. 1983. – 605 с. (Аналитическая философия)
30. Поланьи К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др.; Под общ. ред. С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. – 314 с.
31. Поланьи К. (2006) Семантика использования денег // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общей ред. проф. Р.М. Нуреева – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2006. С. 156–172.
32. Bjørnskov Ch. Social trust and fractionalization: A possible reinterpretation // European sociological rev. – Oxford, 2008. – Vol. 4, N 3. – P. 271–283.
33. Лапин Н.И. Горизонтальная дифференциация социокультурного пространства России // Мир России. 2006. №2. С. 3–5.